

Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального*

Ю.П. ШАБАЕВ

Статья посвящена рассмотрению политической эволюции национальных движений финно-угорских народов России. Автор исследует не столько процессы становления и функционирования этих движений, сколько формирование их идеологических позиций, факторы и условия, способствовавшие утверждению определенных политических установок. При этом основное внимание уделяется не специфике деятельности отдельных этнополитических организаций, а тем общим явлениям, которые характеризуют политическую эволюцию финно-угорского движения в целом. Автор анализирует те новые политические, экономические и этнокультурные реалии, которые неизбежно ведут к необходимости пересмотра прежних идеологических конструкций и формированию новой архитектуры самих движений. Высказывается предположение, что неизбежен процесс фрагментации движений и локализации их политических целей и задач на уровне этнических сообществ более низкого таксономического порядка — субэтносов или этнографических групп.

Введение

Дискуссии отечественных и зарубежных исследователей о национализме и его роли в современных политических процессах не утихают. Связано это с тем, что проявления национализма многолики и порой трудно поддаются научной систематизации. Не вступая в теоретическую полемику с многочисленными

---

* Работа подготовлена в рамках исследовательского проекта «Этнополитические аспекты региональных трансформаций в финно-угорских регионах РФ: кризис суверенизации и этничности», поддержанного АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

Конструирование нового национализма финно-угров

исследовательскими подходами, мы попытаемся проследить политическую эволюцию национальных движений финно-угорских народов России и их идеологических позиций. На наш взгляд, анализ политической практики этих движений, их идеологических конструкторов может быть весьма полезен как для теоретических дискуссий, так и для практики социального управления.

Национальные движения финно-угорских народов представляют собой своеобразный этнополитический полигон, где сталкиваются тенденции к глобализации и регионализм, этничность и гражданственность, политические мифы и суровые социально-экономические реалии. Нам уже неоднократно приходилось обращаться к анализу процессов, которые происходят в «финно-угорском мире» [Шаббаев 1998; Shabaev, Zherebtsov 1998; Шаббаев, Ковалев 2002; Шаббаев 2003; Shabaev 2004], но сегодня есть основания говорить о новом этапе развития этих национальных движений.

В России проживают 12 финно-угорских народов, которые расселены на обширной территории и история которых прочно связана с судьбой русского этноса. Национальные движения этих народов возникли или были воссозданы на рубеже 1980—1990-х годов. Поскольку национальные движения финно-угров объединены в ассоциацию, которая имеет свой устав и в рамках которой согласовываются политические позиции, постольку есть все основания говорить об их общей идеологии.

Становление национальных движений финно-угров и их идеологии

Прежде всего важно отметить, что становление национальных движений в Советском Союзе носило санкционированный характер, т. е. возникали они тогда, когда был снят негласный запрет на создание национальных организаций, а именно после проведения Пленума ЦК КПСС по национальным вопросам (1989 г.). В социальном плане эти движения были подготовлены, ибо финно-угорские этносы в советскую эпоху из сугубо аграрных сообществ превратились в индустриально-аграрные или в большинстве своем аграрно-индустриальные. Согласно концепции Э. Геллнера, аграрные сообщества не могут быть националистичны, ибо их культурная специфичность поддерживается и воспроизводится самой повседневностью, и только индустриальные сообщества становятся националистичными [Геллнер 1991]. Но социальная подготовленность финно-угорских этносов к формированию собственных национальных движений не сопровождалась их политической и идеологической подготовленностью, что объяснялось отсутствием в Советском Союзе гражданского общества. Поэтому не случайно свои идеологические конструкции лидеры современных национальных движений финно-угорских народов России были вынуждены заимствовать у более подготовленных общественных движений, и прежде всего у эстонских. (Это касается и абсурдной идеи ИМЕ — республиканский хозрасчет — и положений Общей программы Народного фронта Эстонии о государственном суверенитете, законах о гражданстве, миграции, защите национального языка [Народный конгресс 1989]). Причем заимствовались как принципиальные

положения, так и трактовки идей. И хотя сами представители этнических элит российских финно-угорских народов порой отрицают, что копируют чужие идеи, заимствования легко прослеживаются и нередко даже текстуально. Однако здесь более важно то, что начальная идеологическая слабость движений обусловила и весь дальнейший ход их политической эволюции, которая характеризовалась поиском политических и культурных ориентиров на национальном, глобальном и локальном уровнях.

Говоря об идеологии, следует иметь в виду, что какой-то общей цели, детально разработанной концепции политического и культурного реформирования в финно-угорских республиках и автономиях не существует. Есть только ряд принципиальных положений, которые признаются всеми или почти всеми национальными организациями. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об общей политической платформе национальных движений и ее научном анализе.

В идеологии национальных движений в финно-угорских республиках центральное место отводится идее этнического самоопределения. Поскольку титульный этнос рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета» [Пробуждение... 1996, с. 237], постольку право на самоопределение рассматривается как право одной этнической общности самоопределяться независимо от многонационального состава этих республик.

По утверждению В. Мартынова, «в течение длительного времени принцип самоопределения считался скорее политическим или моральным постулатом, чем действующей правовой нормой» [Мартынов 1993, с. 24]. Вместе с тем очевидно, что противопоставление этнического гражданскому закладывает существенное противоречие во все идеологические конструкции российских финно-угорских идеологов, ибо невозможно совместить декларативные заверения о приверженности и равенству народов и культур, с одной стороны, и противопоставление этноса согражданству — с другой.

Только рассматривая народ как совокупность граждан, а не как общность по признаку этнической принадлежности, можно реализовать принцип приоритетности прав человека над какими-то групповыми правами. Впрочем, какой конкретный смысл вкладывается в идею этнического самоопределения, возможно понять лишь из контекста, так как разные деятели национальных движений трактуют ее по-разному.

Обоснованием права на этническое самоопределение служит тезис о том, что титульные этносы являются коренным, т. е. исконным, аборигенным населением, и тем самым имеют особые права на землю, природные богатства, положение в обществе, могут претендовать на политическое доминирование в финно-угорских республиках. Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров национальных движений используются термины «коренной этнос», «коренная нация».

Одновременно предпринимаются попытки поставить знак равенства между используемым в международной практике понятием «коренное население» и титульными народами рассматриваемых республик. Заметим, что представители национальных движений участвуют в деятельности Рабочей группы по вопросам коренного населения ООН и что на первом Всероссийском съезде финно-угорских народов в Ижевске была принята «Декларация прав коренных

Конструирование нового национализма финно-угров

народов России». Однако, как известно, не существует общепринятого определения коренного населения. Порой нельзя достаточно однозначно ответить, какие этнические группы на данной территории могут считаться коренными.

Используя определения, предлагаемые международными экспертами, можно сказать, что под коренным населением прежде всего понимаются народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду» [Коренное население... 1990]. Исходя из этого определения финно-угорские народы (за исключением, возможно, обских угров) вряд ли можно считать коренным населением хотя бы потому, что по уровню своего развития они не отличаются от остального населения, не имеют особых общественных институтов и не подвергаются прямой дискриминации или геноциду (правда, проблемы в их культурном развитии очевидны). Видимо, следует согласиться с тем, что «критика содержания отечественного понятия "коренные народы" давно назрела, хотя стороны, вовлеченные в создание и воспроизводство соответствующего социального статуса — политики, ученые, законодатели и сами субъекты этих законов, быть может, и не готовы к весьма радикальной точке зрения, что конституирующее этот статус понятие является "творением антропологического воображения"» [Соколовский 2000, с. 6].

С идеей приоритетных прав коренных этносов тесно связана другая идея, которая касается некой «коллективной включенности народа в политический процесс» [Республика 1995], а также ее конкретное выражение — предложение о реформировании политической системы и преобразовании местных республиканских парламентов, имевшее несколько вариантов. Согласно одному из них представителям титульных национальностей во властных структурах в целом, и в парламенте в частности, должно быть гарантировано 50 % мест независимо от их доли в общей численности населения [Яшина 1994, с. 126]. По другому варианту, который наиболее часто излагается и даже получил поддержку на первом Всероссийском съезде финно-угорских народов, парламенты в «финно-угорских» республиках должны состоять из двух палат. Первая будет формироваться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, а другая состоять только из представителей титульных этносов [Штрихи... 1994; Пробуждение... 1996; Юрченков 1994; Кирдяшов 2000]. При этом вторая палата будет обладать правом вето.

Впрочем, приемлемый механизм формирования такого парламента до сих пор никем не предложен. Ясно, что реализация подобной идеи приведет к отказу от общедемократического принципа проведения прямого, равного и тайного голосования во время общереспубликанских выборов. Кроме того, это означает сверхпредставительство титульных этносов, так как каждый его представитель получает как бы два голоса. Общество в результате будет разделено через политическую систему на две группы с разными правами. Это усилит возможность конфликтов, ибо чем больше в обществе бинарных маркеров, тем выше потенциал конфликтности.

В ноябре 2001 г. лидеры «Карельского конгресса» представили общественности проект Закона «О дополнительных гарантиях избирательных прав карел, финнов, вепсов Республики Карелия быть избранными в законодательный (пред-

ставительный) орган государственной власти Республики Карелия». В законе предлагалось установить квоты прямого представительства в республиканском парламенте для карел, финнов и вепсов. Квота составляла семь депутатских мест или 12 % от общего состава депутатского корпуса. Но юридический отдел республиканского парламента отклонил данный проект, что стало причиной созыва съезда «Карельского конгресса», на котором было предложено внести поправки в Конституцию Карелии с тем, чтобы можно было легитимно реализовать идею квотирования парламентских мест [Клементьев 2001, с. 35—36].

Однако власть не пошла навстречу пожеланиям Конгресса, что заставило последний направить письма протеста президенту РФ В. Путину, федеральному правительству, Совету государств Балтийского моря, Верховному комиссару по делам национальностей. Европейский комиссар по делам национальных меньшинств Х. Деги известил лидера «Карельского конгресса» А. Григорьева, что намерен посетить республику в 2002 г., и это было расценено как прямая поддержка [Клементьев 2002, с. 28].

Идея квотирования мест нашла воплощение в одном из финно-угорских регионов. Законодательным собранием Ханты-Мансийского автономного округа введены квоты для хантов, манси и представителей других малых народов, разработана законодательная база, на основании которой осуществляются выборы депутатов из числа коренных малочисленных народов севера, проживающих на территории округа. Пять депутатов от коренных малочисленных народов округа (всего их 25) избираются в Законодательное собрание округа по многомандатному избирательному округу, куда входит вся территория данного субъекта федерации. Эти пять депутатов формируют Ассамблею коренных малочисленных народов, председатель которой обязательно занимает пост вице-спикера окружного собрания. Идея квотирования, хотя и в несколько иной форме, реализуется также в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах [Тодышев 2003, с. 143—156].

Но если в Ханты-Мансийском округе ханты и манси вместе взятые составляют не более 1,5 % населения и нуждаются в том, чтобы их политическое представительство в органах законодательной и исполнительной власти региона поддерживалось посредством специальных гарантий, то нельзя распространять тот же самый механизм на коми, удмуртов, марийцев, коми-пермяков, мордву, которые в своих национально-государственных образованиях составляют 25—60 % населения. Там, где демократические институты действуют эффективно, на наш взгляд, нет необходимости в сомнительных конструкциях этнического представительства. Так, 6 % шведов в Финляндии совершенно не нуждаются в особых гарантиях и никогда их не требовали, хотя в этой стране и существуют организации, выражающие общинные интересы финских шведов.

Предоставление особых политических или экономических прав титульному этносу, представители которого составляют заметную часть территориального сообщества, не только повысит возможность конфликта, но и искусственно упростит картину этнического взаимодействия в регионах. Вместо утверждения в массовом сознании идеи единого многонационального сообщества, которое имеется в каждом регионе, узаконивается биполярная схема межнационального сообщества: коренной этнос — инонациональное население. Следует заметить, что каждая национальная общность в случае узаконения особого способа фор-

Конструирование нового национализма финно-угров

мирования парламентов получает моральное право претендовать на отдельное представительство. В Мордовии, к примеру, более логичным был бы вариант, при котором такого права стали бы добиваться эрзя, мокша и татары.

Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением, что «обычный демократический принцип "один человек — один голос" не является универсальным для обществ со сложным этническим составом населения. Он только обеспечивает базовую основу демократии и ориентирован, прежде всего, на индивидуальные гражданские права» [Тишков 1993, с. 40]. Поэтому в многонациональных сообществах необходима особая система согласования интересов национальных общин.

Разумными элементами такой системы могли бы стать съезды народов, а также их исполнительные органы, которые имели бы некоторое время возможность обрести статус консультативных палат при национальных парламентах. Однако получить данный статус они могли только при соблюдении одного важнейшего условия — при обеспечении реального, а не мнимого представительства на этих съездах лиц, являющих собой титульные этносы, т. е. при демократической процедуре выборов на эти съезды, когда каждый представитель народа имел бы право избирать и быть избранным. Образцом для подражания могла бы стать практика так называемых саамских парламентов, созданных в Финляндии, Норвегии, Швеции [Силлания 2002, с. 80—109]. Например, норвежский закон «О законодательном собрании народа саами...» предписывает, что выборы в это собрание проходят одновременно с выборами в стортинг по обычной избирательной процедуре, но по специальным спискам саами, в которые включаются все, кто заявил о своих саамских корнях. Раз в год согласно закону собрание готовит для короля Норвегии доклад о положении саами в стране [Статус... 1994, с. 463-467].

Лидеры национальных движений упустили возможность превратить этнические съезды в демократические институты и построили систему «выборы без выбора» по типу хорошо известной всем советской избирательной системы. Правда, в случае с избирательными процедурами этнических съездов даже советская избирательная система выглядела более демократичной, ибо она предполагала всеобщее избирательное право. Такого права собственным этносам национальные лидеры не предоставили, так как не были заинтересованы в том, чтобы принцип реальной или прямой выборности на эти съезды стал естественным и незыблемым. В принятом в 1992 г. парламентом Республики Коми Законе «О статусе съезда коми народа» было сказано, что съезд является высшим представительным собранием коми этноса и его легитимность должна обеспечиваться демократической процедурой выборов [Штрихи... 1994, с. 129]. Это заставило Комитет возрождения коми народа накануне третьего съезда коми народа принять положение о выборах делегатов. Однако ни в законе о статусе съезда, ни в положении о выборах делегатов не оговаривались процедура выборов и система контроля над ней. В результате на 3—8-й съезды коми народа в 1993, 1995, 1997, 2000, 2002 и 2004 гг. демократические выборы по существу организованы не были, что отнюдь не способствовало росту авторитета этих форумов. На третьем съезде мордовского народа в 1999 г. также была принята декларация о статусе съезда, в которой он объявлялся высшим представительным собранием граждан мордовской национальности [Национальное возрождение...

2001], но и здесь состав делегатов съездов не формируется путем демократических выборов. Аналогичные форумы в Удмуртии, Марий Эл, Коми-Пермяцком округе также не могут претендовать на избрание полномочных представителей удмуртского, марийского и коми-пермяцкого народов.

Подобная ситуация свидетельствует о глубоких внутренних противоречиях в деятельности национальных движений. С одной стороны, съезды народов объявлялись высшими представительными собраниями этносов, а с другой — проблема представительства и демократических выборов не решалась, а все предложения о демократизации процедуры выборов отвергались [Шабает 1998].

Вопрос легитимности съездов народов, а их лучше назвать съездами полномочных представителей народов, на этапе подъема национальных движений был весьма актуальным, поскольку они являлись видимой политической силой и их решения могли иметь далеко идущие политические последствия, но федеральная власть как бы сама узаконила идею этнического представительства, что далеко не бесспорно. В частности, в стране сформирован некий новый орган — Ассамблея народов России как общественно-консультативная палата при президенте [Ассамблея... 1999]. Однако принципы формирования Ассамблеи сугубо бюрократические и учет мнения народов здесь никоим образом не предусмотрен. Тенденция к бюрократизации национальных движений, различных национальных организаций и национальной политики как на местах, так и на федеральном уровне достаточно очевидна. Не случайно федеральное Министерство по делам национальностей и федеральной политики было ликвидировано сугубо бюрократическим методом.

Вообще же попытки политизировать этничность, создать национальные палаты в парламентах, ввести систему квотирования мест в законодательных и исполнительных органах власти, придать решениям этнических съездов директивный характер для правительственных структур и органов местного самоуправления (так было в течение ряда лет в Коми и этого добивались в других республиках) есть по существу попытка придать этничности универсальный характер, стремление к ее огосударствлению. Однако, по мнению известного этнолога С.В. Чешко, социальный инстинкт коллективности в форме национальной идеи «является барьером, преградившим в политику и массовое сознание действительно демократического подхода к решению этнополитических проблем. Он должен состоять в замене этнического универсализма "универсализмом" гражданским, в отделении этничности от политических и экономических прав человека, "разгосударствлении" этничности, освобождении человека от императива этнической лояльности. Только так можно освободить и сами народы, их этнокультурное развитие, от внешнего насилия со стороны государства (ассимиляция, патернализм и т. д.) и от насилия внутреннего (со стороны этнических элит, навязывающих своим народам собственные ценности, нормы поведения, модели развития)» [Чешко 1993, с. 30].

Финно-угорский мир как глобальная идентичность

Важной стороной деятельности национальных движений финно-угров и значимой составляющей их идеологии являются попытки сформировать некую

Конструирование нового национализма финно-угров

новую идентичность — финно-угорский мир. Идеологи национальных движений неоднократно заявляли о необходимости воссоздания такого мира, а сегодня утверждают, что он стал реальностью.

Но такая широкая идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе, тем более что в языках финно-угорских народов сохранилось совсем немного элементов прафинноугорского языка-основы. Территориально эти народы разобщены, в культурном плане существенно отличаются друг от друга; тесных экономических связей между регионами их проживания нет. Интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая и формирует идеологию.

Объективная необходимость объединения финно-угорских народов России, поиска и политического статуйирования новой широкой идентичности объяснялась дефицитом политического ресурса отдельных национальных движений финно-угорских народов, которые, как правило, представляли интересы меньшинств, не обладающих достаточным политическим весом и значительным политическим представительством во властных структурах регионов их проживания. Этот дефицит был очевиден повсеместно и в одних случаях сразу заставлял объединяться в широкие политические объединения (как это произошло в 1990 г. с народами Севера, создавшими Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока), в других требовался определенный этап для осознания собственных политических интересов и политических возможностей (как это имело место с финно-угорскими народами, татарами, башкирами). Общая политизированность жизни в России в начале 1990-х годов способствовала ускоренному политическому позиционированию национальных движений, поэтому уже в феврале 1992 г. в Сыктывкаре состоялась «учредительная конференция полномочных представителей национальных форумов (съездов), общественно-политических и национально-культурных движений», создавших Ассоциацию финно-угорских народов и заявивших в принятой ими декларации о начале «формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного и информационного пространства» [Штрихи... 1994, с. 227].

В мае 1992 г. в Ижевске состоялся первый Всероссийский съезд финно-угорских народов, на котором было заявлено, что «съезд является высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации...» [Пробуждение... 1996, с. 247]. В августе того же года в Сыктывкаре состоялся первый Всемирный конгресс финно-угорских народов, на котором был создан международный Консультативный комитет финно-угорских народов со штаб-квартирой в Хельсинки. В принятом на конгрессе «Обращении к Парламентам и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав» говорилось о возрождении финно-угорского мира, о многовековой борьбе финно-угорских народов за свое самоопределение и выдвигался ряд предложений в области политики и права, которые вели к огосударствлению этничности [Штрихи... 1994, с. 258—260]. Первый конгресс лишь продемонстрировал возможности использования новой структуры, которая поставила задачу добиться статуса неправительственной организации ООН как лоббиста

политических интересов этнических, и прежде всего региональных, элит (ибо все четыре конгресса проводились при их непосредственном участии и прямой поддержке, включая финансовую). На втором конгрессе, который состоялся в Будапеште в 1996 г., было решено выработать конкретные механизмы этого лоббирования. «В частности, предлагалось формирование прямых международных связей между родственными народами и государствами, а также подключение российских финно-угров к деятельности Евросоюза и других международных европейских организаций помимо Российской Федерации, вне федеральных структур, прежде всего через государственные и общественные организации Финляндии» [Щербакова 2003, с. 115]. Третий Всемирный конгресс финно-угорских народов, состоявшийся в 2000 г. в Хельсинки, сосредоточил внимание на государственном законодательстве, касающемся прав национальных меньшинств и коренных народов на государственном и региональном уровнях. При этом обсуждение названных проблем началось еще задолго до конгресса, когда были опубликованы тезисы ключевых докладов основных секций [Ханникайнен 2000, с. 37-40].

Оценивая деятельность и сущность подобных конгрессов, директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков заявил следующее: «"Всемирные" этнические съезды, а также "казачьи круги" и прочее есть порождение ослабшей государственной власти и кризиса гражданской идентичности. Это своего рода квазигосударственность, когда не хватает собственно государственности в строго гражданском понимании» [Независимая... 2002]. Впрочем, сказано это было по поводу оценки итогов третьего Всемирного конгресса татар, а между татарским конгрессом и финно-угорским есть разница. В татарском варианте всемирный конгресс становится прежде всего механизмом закрепления особого статуса Татарстана в рамках Российской Федерации, инструментом идеологического обоснования того, что «геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии», что политические притязания его политической элиты требуют сохранения «особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности» [Исхаков 1998, с. 90]. В случае с финно-угорскими народами России декларирование языкового, исторического и культурного родства этих народов и конструирование на этой основе новой идентичности — финно-угорского мира — по сути своей есть попытка расширить группу солидарности и найти внешние ресурсы для сохранения слабеющих политических позиций титульных этносов. Причем в деятельности национальных движений финно-угров это направление политической интеграции с середины 1990-х годов стало основным. После того как в 1995 г. в Кудымкаре (столица Коми-Пермяцкого автономного округа) состоялся второй Всероссийский съезд финно-угорских народов, подобные съезды больше не проводились, хотя по уставу они должны проходить каждые три года. Зато заседания Консультативного комитета финно-угорских народов проводятся регулярно в столицах российских финно-угорских республик, в Финляндии, Эстонии и Венгрии. Всемирные конгрессы финно-угорских народов становятся все более представительными, а культурные связи между названными регионами и странами более интенсивными. Именно это позволило заместителю министра культуры и по делам национальностей Республики Марий Эл В. Яналову заявить следующее: «Единый финно-

Конструирование нового национализма финно-угров

угорский мир зарождается на наших глазах, тяготение это ощущается особенно в финноязычной среде. Международное финно-угорское движение стало общественным явлением в Европе и, безусловно, будет направлено на сохранение и развитие народов, входящих в эту языковую семью» [Яналов 1998, с. 7]. Сходных по смыслу заявлений в последние годы было сделано множество и официальными лицами, и лидерами национальных движений.

Ошибки национальных движений и их последствия

Важно выяснить, в чем причина усиленного внимания национальных лидеров к идеологической конструкции финно-угорского мира. Причина проста: она связана с очевидным кризисом национальных движений. Кризис этот был неизбежен и спровоцирован самими лидерами. В его основе две принципиальные ошибки в политической деятельности и идеологии движений.

Первая из них состояла в том, что и идеология, и политическая практика национальных движений вольно или невольно противопоставляли интересы титульного населения интересам доминантного большинства. Это было ошибочно не только из-за отторжения такой политической линии большинством населения, но и из-за того, что весьма значительные маргинальные группы также не воспринимали идею особых или специфических прав титульного населения.

Второй неверный ход национальных лидеров заключался в выработке решений и политической линии монополизированными ограниченными группами активистов, которые не стремились к демократизации норм партийной жизни, к вовлечению в орбиту национальных движений широких слоев населения, хотя сами, как правило, выступали от имени собственных народов. В результате эти движения поддержки не получили. Апелляция же к финно-угорскому миру, стремление представить его как некую социальную реальность были единственной возможностью повысить значимость этих движений и представить их эффективными политическими акторами. Помощь западных партнеров в этой ситуации не только не способствовала оздоровлению движений, а, наоборот, консервировала их кризисное состояние. Кризис движений породил и кризис финно-угорских идентичностей в России. Недолгий период роста общественного интереса к этнической культуре, усилившегося стремления молодежи к идентификации себя как представителей тех этнических общностей, к которым принадлежали их предки, вновь сменился стремлением к интеграции в доминантное большинство. Свидетельством тому стали и результаты переписи населения 2002 г., показавшие значительное снижение численности почти всех финно-угорских народов [Основные... 2003, с. 13—15].

Несомненно, что формирующая идеологию национальных движений этническая элита должна отстаивать экономические, политические и культурные интересы своих народов, стремиться к тому, чтобы для их развития были созданы оптимальные условия. В этом отношении, конечно, существенно то, как строятся федеративные отношения в государстве, какой объем полномочий есть у субъектов федерации, а какой — у федерального центра. По поводу федерализма в российских политических кругах достаточно долгое время продолжают

острые дискуссии. Но, что характерно, в идеологии национальных движений, о которых мы говорим, нет сколько-нибудь основательно разработанных идей реформирования российского федерализма и даже не определены политические интересы в этой сфере.

В каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтнические территориальные общности. Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен, чтобы формировались традиции местной солидарности и взаимного доверия, ибо «именно доверие позволяет гражданскому сообществу преодолевать то, что экономисты называют «оппортунизмом», т. е. те ситуации, в которых общий интерес не осознается, так как каждый индивид, действуя изолированно, имеет соблазн уклониться от коллективного действия» [Патнэм 1996, с. 113]. При этом консолидация может происходить, как показывают многочисленные исследования, не на этнической, а на гражданской основе. В то же время в идейных конструкциях национальных движений идея территориальной гражданской солидарности отсутствует. Между тем исследователи этнического измерения политической культуры современной России верно отмечают, что «общенациональное единство и общая национальная идентичность — это изначальная и обязательная предпосылка успешного демократического транзита...» [Ачкасов, Бабаев 2000, с. 5]. Строиться общенациональное единство и общая идентичность должны снизу, через формирование прочных территориальных сообществ, осознающих себя частью единого государственного организма.

Значимым является то обстоятельство, что существование национальных меньшинств, а особенно корпоративных этнических меньшинств, т. е. таких, которые представляют языковые семьи, культурные ареалы или культурно-хозяйственные типы, должно осознаваться и властями, и национальными лидерами одинаково, а именно — как социальная реальность, способствующая укреплению государственных устоев. Меньшинства нуждаются в защите государством своих интересов и, следовательно, объективно заинтересованы в сильном государстве, действенных государственных институтах, к которым они могут апеллировать и под защитой которых могут успешно развиваться. Но помимо этого наличие на территории конкретного государства схожих по языку и культуре народов создает условия для развития между ними многочисленных контактов, которые дополняют экономические, политические и территориальные связи, неизбежно присутствующие в любом государственном организме. Таким образом, меньшинства, каковыми, в частности, являются финно-угорские народы России, объективно способствуют укреплению вертикальных и горизонтальных связей внутри государства. Но, поскольку государственный аспект в идеологии национальных движений российских финно-угров никак не нашел своего отражения, у некоторых российских политиков и политологов возникли подозрения, что усиленно декларируемая в последние годы идея финно-угорского мира несет в себе опасность усиления сепаратистских тенденций на Европейском Севере России и в Поволжье.

В качестве подтверждения этого тезиса сошлемся на две публикации. Одна была помещена в газете «Век» и имела громкое название «Великая Суоми стремится к Енисею». В статье, в частности, говорится: «Мусульманский юг России

Конструирование нового национализма финно-угров

не единственное слабое звено федеративной системы страны. Окончательно ослабевший центр побуждает автономии других регионов Российской Федерации к самоопределению и поиску политических ориентиров за ее пределами... Наиболее характерны в этом смысле автономные образования народов финской группы в восточной части европейской зоны России: Мордовия, Марий Эл, Удмуртия и Республика Коми. Выбор их симпатий объективно пал на страны, находящиеся в числе геополитических недоброжелателей России. Это Венгрия (член НАТО), Эстония (кандидат в члены НАТО) и становящаяся все более претенциозной Финляндия, где отчетливо звучат призывы к созданию "Великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея" [Век 1999].

В другой публикации бывший председатель Комитета по делам национальностей Государственной думы РФ В.И. Никитин оценивает состояние национальных отношений в стране и в регионах. По поводу Северо-Западного региона он пишет: «Наблюдается активизация националистических, сепаратистских элементов среди финно-угорских этносов, населяющих территорию, что, учитывая приграничное положение и важное геополитическое значение данного региона, а также соседство благополучной в социально-экономическом плане "исторической родины" (Финляндия), приобретает особо опасные тенденции» [Никитин 2001, с. 6]. Урало-Поволжский регион, где также проживают финно-угорские народы, автор назвал «зоной национального и регионального сепаратизма».

Опасность же, по мнению некоторых исследователей, состоит прежде всего в том, что «гипертрофированная этничность меньшинств может политизироваться и мобилизовываться в собственных интересах политиками и идеологами. Тем самым у этничности возникает политическая функция, этнос выходит в политическую плоскость и становится субъектом политики, что, в общем-то, не вытекает из самой природы этнического, развертывающегося в сфере культуры...» [Рыбаков 2001, с. 7].

Такое восприятие деятельности национальных движений российских финно-угров вытекает из того, что в последние годы в стране так и «не появилось новых, консолидирующих ее народы символов, идей, принципов общероссийского масштаба. Пока пространство нашей огромной страны "разорвано" в массовом сознании россиян. И эта "разорванность" едва ли не самое важное обстоятельство нашей колоссальной, приобретшей черты общенационального бедствия "неконсолидированности" [Рязанцев, Одинцов 2001, с. 63] Общенациональные же идеи и символы могут возникнуть лишь при наличии и развитии широких межрегиональных связей, и в немалой степени именно культурных.

На наш взгляд, оценивать культурное сотрудничество финно-угорских регионов, стран и народов надо в контексте современных воззрений на природу национализма. Мы согласны с тем, что в каждом национализме в разной степени и в разной форме содержатся как гражданские, так и этнические элементы [Смит 2003], а сам тип национализма в финно-угорских регионах России по Дж. Бройи правильнее всего назвать реформаторским [Breuilly 1981, p. 11].

Но его реформаторство весьма ограничено тем, что подразумевает лишь перемены в положении отдельных этнических сегментов территориальных сообществ, а не концепции развития таких сообществ в целом. Но, самое главное, финно-угорские идеологи не предлагают реальных и взаимоприемлемых

для всех заинтересованных сторон путей реформирования федеративных отношений. На уровне деклараций национальные движения остаются политическими сторонниками федерализма. На четвертом съезде народа коми, состоявшемся в Сыктывкаре в октябре 2000 г., была принята резолюция «О федеративной и национальной политике», в которой указывается, что «при отсутствии адекватной концепции развития федеративного государства осуществляются попытки реформирования российского законодательства в сфере федеративных отношений. Так, в 2000 г. пересмотрены положения конституций республик, касающиеся их суверенитета в соответствии с нормами Конституции Российской Федерации. Это свидетельствует об изменении акцентов в национально-государственной политике Центра. Не отрицая необходимости унификации российского законодательства, Съезд считает неприемлемым возврат к унитарным нормам государственного устройства Российской Федерации» [Красное знамя 2000]. Пересмотр конституций и ряда республиканских законов был объективно необходим хотя бы для оптимизации межэтнических отношений в финно-угорских регионах. В конституции Коми записано: «Коми народ — источник государственности Республики Коми» [Штрихи... 1994, с. 257]. Однако следует отметить, что в основном законе должны конституироваться не конъюнктурные политические устремления, а принципы права, т. е. в данном случае речь должна идти о праве на самоопределение, которое имеет весь народ, а не отдельная этническая общность. Известно также, что «этничность не может служить основой для государственности и даже для внутригосударственного деления. Зато эта доктрина (этнического национализма. — Ю. Ш.) позволяет представителям одной группы, вернее ее элите, сформулировать право на сепессию или на исключительный статус в государстве в вопросах доступа к власти и ресурсам и установления официальных культурных институтов» [Тишков 1994, с. 15].

Вызовы времени и идеологический вакуум

Сегодня политический эффект и последствия резолюций национальных движений, в которых выдвигаются претензии к региональным властям или к федеральному центру, несравненно слабее, чем в начале 1990-х годов во время всплеска суверенизации и подъема национальных движений. С 2000 г. само объявление суверенитета республик в составе РФ признано не соответствующим Конституции России, и с этим по существу согласились и многие национальные лидеры. Но изменение политических принципов, которыми руководствуются региональные власти в своем взаимодействии с Москвой, ставит на повестку дня поиск новых формул федеративных отношений, отражающих интересы как регионов, так и федерального центра. Такого поиска идеологи национальных движений, как уже сказано выше, не ведут, что обесценивает политическую значимость их деятельности. И тут необходимо согласиться с В. Зориным, который заметил, что «важнейшую роль национальные аспекты имеют в развитии и совершенствовании федеративной сущности российского государства. Государственная национальная политика шире федеративной по субъектам, которые вовлечены в ее сферу — это не только федеральный центр и субъекты РФ, но и

Конструирование нового национализма финно-угров

широкий круг национальных общественных объединений, представляющий этносы, этнические группы, диаспоры и меньшинства на всей территории страны» [Зорин 2003, с. 223].

Совершенствование федеративных отношений является актуальным и необходимым, ибо только эффективно функционирующая федеративная система может обеспечить решение региональных проблем, в том числе экономического, социального и национального развития. Особое значение в этом отношении имеют четкие и взаимоприемлемые принципы экономического федерализма, стабильный характер бюджетных отношений между федеральным центром и регионами.

Экономический федерализм проявляется в разделении полномочий в политике цен, налогов, формировании и расходовании бюджетных средств и внебюджетных фондов, инвестиций, программно-территориального управления. Объем полномочий различных субъектов федерации различен и будет определяться только через систему договоров между регионами и Москвой.

Республика Коми и Удмуртия — это регионы-доноры. Карелия, Марий Эл, Мордовия, Коми-Пермяцкий округ — хронически дотационные регионы [Федеральный... 1999]. Причем в Марий Эл и Коми-Пермяцком округе до 80 % бюджета формируется за счет дотаций из федерального центра. Естественно, в таких условиях объем полномочий и расходов, которые может взять на себя первая группа регионов, должен быть больше. Но опять же решение этого вопроса возможно лишь на основе двусторонних договоров с центром. Однако федеральный центр не намерен возобновлять практику заключения таких договоров, а старые договоры с Москвой всех вышеназванных регионов пролонгированы не будут.

В бюджетном федерализме как более узком и конкретном проявлении федерализма экономического как в прошлом, так и сегодня отсутствует объективно обусловленная справедливость. Еще в 1996 г. директор Института экономических и социальных проблем севера Коми научного центра Уральского отделения РАН В. Лаженцев по этому поводу писал: «При доле Республики Коми в Российской Федерации по численности населения 1,15 % она, несмотря на свою северность, получает всего лишь 0,2 % от общей суммы трансфертов.

Перераспределение средств федерального бюджета пока не опирается на государственные и региональные стандарты социальных благ и на систему показателей сводного финансового плана того или иного региона. Оно весьма слабо учитывает различия в уровнях расходов, связанных с природно-экономическими условиями (на Севере они в 1,5—2 раза выше, чем в средней полосе России)... Модель экономического федерализма, приемлемая для России и ее регионов, пока находится в начальной стадии формирования» [Лаженцев 1996, с. 32].

Однако федеральный центр весьма своеобразно понимает идеи экономического федерализма сегодня. После того как В. Путин заявил о необходимости укрепления вертикали власти, улучшения управляемости страной и создал семь федеральных округов (что, вероятно, имело смысл для ограничения всевластия региональных лидеров), он предпринял новые шаги, которые серьезно сказались на положении ряда регионов. Центральная власть поняла, что для установления реального контроля над регионами и серьезного ослабления

региональных авторитарных режимов, которые к тому времени стали реальностью в большинстве субъектов России, необходимо не только политически, но и экономически подчинить региональные элиты центру. Поэтому была осуществлена налоговая реформа, которая больше всего ударила по регионам-донорам, имевшим наибольшие возможности претендовать на значительную степень автономии от центра. В результате реформы бюджет Республики Коми в 2001 г. недополучил около 2 млрд рублей, что составляло его пятую часть. Однако этими потерями дело не ограничилось, поскольку в 2002 г. был отменен еще ряд платежей в региональные бюджеты. В 2000 г. в республике оставалось 57,7 % доходов, в 2001 г. — 48,3 %, в 2002 г., по прогнозам, эта доля составит только 37 %. Между тем в Бюджетном кодексе РФ (ч. 10 ст. 48) была установлена норма, согласно которой «доходы субъектов РФ должны составлять не менее 50 % от суммы доходов консолидированного бюджета РФ». Правда, ныне действие этой нормы приостановлено [Шабаев 2002, с. 21]. Многие регионы в последние годы стали испытывать острый дефицит средств, направляемых на экономическое и социальное развитие. Это замедлило темпы роста тех регионов, которые по своему потенциалу должны быть локомотивами экономического развития всей страны.

Федеральный центр продолжает наступление на экономические права регионов. Правительство РФ пересматривает порядок выдачи лицензий на пользование недрами, в частности нефтяными месторождениями; будущим Лесным кодексом территории будут ограничены в праве распоряжаться лесным фондом.

Таким образом, федеративные отношения в современной России в основном строятся с учетом политических интересов федерального центра, а интересы регионов, в том числе и финно-угорских, являются вторичными. Вторичными, по существу, оказываются и экономические интересы страны, так как ресурсы развития у регионов становятся все более ограниченными. Политическая мотивация таких отношений очевидна, но в федеративных отношениях должна прослеживаться и жесткая экономическая логика, отсутствующая ныне.

В этой связи следует согласиться с тем, что «баланс между территориальными государствами в их теперешнем виде и законным выражением и утверждением национальной и культурной принадлежности, на которых настаивают и будут настаивать меньшинства и отдельные группы населения, не может быть обеспечен только лишь возвратом к упрощенным формулам федерализма или децентрализации, хотя в ряде случаев в них могут быть заложены определенные возможности политических решений. Такого баланса не добиться и бесконечными заклинаниями о суверенитете и самоопределении, ибо сами по себе эти понятия не отличаются особой ясностью и определенностью» [Ханнум 1997, с. 77]. Нужна радикальная реформа системы федеративных отношений в стране, а общественные движения, в том числе и национальные, должны сыграть здесь определенную роль. Во всяком случае, их идеология не может игнорировать эту важнейшую политическую проблему, поскольку она напрямую затрагивает интересы населения, включая и интересы титульных этносов в финно-угорских республиках и автономиях.

Анализ идеологии национальных движений финно-угров показывает, что она не опирается на прочные демократические основы, идеи гражданского

Конструирование нового национализма финно-угров

общества и прав личности. В значительной мере идеология и политическая практика национальных движений отвергают принципы демократии, в результате чего эти движения не пользуются массовой поддержкой населения. Идеологи национальных движений мыслят категориями тоталитарного прошлого России, а многие из них прямо связаны с политической элитой советской эпохи. В условиях переходного общества идеология национальных движений скорее всего и не могла быть последовательно демократической. Для их выживания необходима глубокая демократизация политических структур, повышение привлекательности и актуальности лозунгов, формирование новой идеологии, но ничего этого не происходит, и потому национальные движения оказались в идеологическом вакууме и политической изоляции. Между тем сама жизнь подсказывает возможные пути их дальнейшего развития.

Логика перемен

Хорошо известно, что культуры как ценностные системы (и прежде всего национальные культуры) и символические программы деятельности формируются в локальных сообществах относительно самостоятельно. Поэтому в финно-угорском мире со середины 1990-х годов усиливаются фрагментация этнических сообществ, регионализации их политических интересов.

Эти явления воспринимались как некое отклонение от нормы, «политическое недоразумение». Начало им положил раскол в мордовском национальном движении, которое фактически распалось на эрзянское и мокшанское. Национал-радикалы стали заявлять, что мордвы как этноса не существует и необходимо создание эрзяно-мокшанской республики с выделением в ней самостоятельных эрзянского и мокшанского округов. В ходе проведения микропереписи населения 1994 г. в Мордовии большинство мордвы стали определять свою национальную принадлежность посредством субэтнических этнонимов. Специалисты отметили, что тогда была неверна методика определения национальной принадлежности. И это, очевидно, так, поскольку субэтническое самосознание не отвергает наличия и общенационального самосознания. Перепись населения 2002 г. доказала обоснованность критических замечаний по поводу качества сбора информации во время проведения микропереписи. Подавляющее большинство мордвы использовали для определения своей национальности этноним «мордвин», но все же 84 тыс. назвали себя эрзей, а 50 тыс. — мокшей [Основные... 2003, с. 14]. Несмотря на то что «раскольников» в национальном движении мордвы регулярно осуждают [Бокин 2000, с. 74—77], они продолжают настаивать на том, что «мордвин — это страшное слово» [Эрзянь мастор 2004]. По-видимому, общемордовские идеалы и ценности не являются привлекательными и важными для значительной части мордовского этноса, а отсюда вытекает и стремление к локализации целей национального движения на субэтническом уровне.

Вслед за мордовским движением дифференциация началась и в марийском движении. Субэтнический фактор здесь тоже сыграл весьма значимую роль в политическом размежевании. Это проявилось прежде всего в определении отношения к официальным властям республики Марий Эл: горные марийцы в

лице своей национальной организации «Туан вел» настроены в отношении их лояльно, а остальная часть движения по существу ушла в оппозицию [Шаров 2002, с. 27]. Перепись 2002 г. показала, что и для многих марийцев их субэтническая принадлежность важнее общемарийской идентичности (56 тыс. назвали себя луговыми марийцами, а 19 тыс. — горными) [Основные... 2003, с. 14].

Национальное движение коми, которое можно считать самым успешным и влиятельным среди финно-угорских народов, долгое время не только оставалось идеологически и организационно единым, но и вовлекло в сферу своего политического влияния коми-пермяков. Локальные национальные объединения сформировались на базе существующих этнографических групп, но все они действовали как политические подразделения коми этноса в Республике Коми. В 2002 г. ситуация начала меняться. Поводом к переменам послужила всеобщая перепись населения. 11 августа 2002 г. отделение ассоциации «Изьватас» в с. Ловозеро Мурманской обл. приняло обращение к сородичам с призывом обозначить свою национальность в ходе переписи не как «коми», а как «коми-ижемец». По мнению ловозерцев, это было необходимо для того, чтобы поставить перед федеральными властями вопрос о включении коми-ижемцев в список коренных малочисленных народов Российской Федерации (как это сделано в отношении вепсов и особой этнографической группы удмуртов — бесермян). Накануне досрочной переписи населения, которая проводилась в Коми на месяц ранее основной (в том числе во многих селениях, где живут коми-ижемцы), обращение ловозерских активистов опубликовали газеты: оппозиционная «Веськыд серии» и официозная «Новый север», которые издаются в Ижемском р-не Республики Коми. Собравшийся 9 сентября 2002 г. в Ижме Совет республиканского общественного движения «Изьватас» фактически единодушно поддержал обращение ловозерских коми-ижемцев. После официального завершения переписи Совет Ижемского р-на принял решение обратиться в федеральное правительство с просьбой о подсчете числа коми-ижемцев, зарегистрированных в ходе переписи, и рассмотрении вопроса о включении их в официальный перечень коренных малочисленных народов, который, как известно, правительство утвердило в 2000 г. Предварительные результаты переписи показали, что более половины коми, проживающих в Ижемском р-не (их доля там превышает 90 %), в графе «национальность» переписных листов назвали себя «коми-ижемцами».

В июне 2003 г. пятый съезд ассоциации «Изьватас» подтвердил свое стремление добиваться включения коми-ижемцев в перечень коренных малочисленных народов России, утвержденный правительством в 2000 г. [Шабает 2003, с. 23—26]. Это стремление лидеры ижемцев объясняют желанием получить те же льготы, которые согласно федеральному законодательству имеют другие коренные малочисленные народы (возможность альтернативной воинской службы, закрепление прав на родовые угодья, государственная поддержка). Тем самым ижемское движение дистанцировалось от общекоми движения, а местные интересы ижемцев стали определяющими в его политической деятельности. Любопытно отметить, что оленеводческие хозяйства ижемцев также начали «бегство» из Коми. В конце 2003 г. хозяйство «Ижемский оленевод» со стадом в 20 тыс. голов зарегистрировалось в Нарьян-Маре — столице соседнего Ненецкого округа. Объясняется это экономическим интересом — дотации на килограмм мяса оленей в

Конструирование нового национализма финно-угров

округе в пять раз выше, чем в республике (стада оленей и жемцы издавна пасут в Большеземельской тундре).

Необходимо отметить, что этническая дифференциация в последнее время стала характерна не только для финно-угров, но и для других этносов России. Так, среди татар вновь заявили о себе кряшены, что некоторые татарские национальные лидеры восприняли как попытку федерального центра расколоть единый татарский этнос (для этих идеологов не существует сибирских, астраханских, крымских татар, кряшен, а есть только татары как таковые). В русском этносе уже длительное время идет «рекультивация» казаков, а перепись 2002 г. зафиксировала и возрождение поморов, о принадлежности к которым заявили 6,5 тыс. человек. Впрочем, идеологи поморов (в 2003 г. в Архангельске зарегистрирована Национально-культурная автономия поморов) заявляют, что не принадлежат к русскому этносу. Поморы, согласно идеологическим разработкам лидеров автономии, не этнографическая группа или даже субэтнос, а самостоятельный этнос. Причем не славянский этнос, а финно-угорский, поскольку финно-угры сыграли главную роль в его формировании [*Шабаев* 2003, с. 31]. На наш взгляд, конструирование поморского этноса как особого финно-угорского сообщества преследует как политические, так и экономические цели. Во-первых, это позволяет сделать более обоснованной идею создания Поморско-Ненецкой республики, выдвинутую архангелогородскими интеллектуалами (она должна объединить Мурманскую, Архангельскую обл. и Ненецкий автономный округ) и активно пропагандируемую [*Лукин* 2003, с. 56—69]. Во-вторых, разворачивающиеся нефтегазодобытки в Архангельской обл., Ненецком округе и на шельфе арктических морей являются для общин коренных народов основанием добиваться от нефтяных компаний солидных денежных компенсаций. Такая практика все более узаконивается, а в будущем станет повсеместной и обязательной, поскольку потребители российской нефти на Западе требуют от своих поставщиков урегулирования отношений недропользователей и землепользователей.

Очевидно, что усиленное внимание к локальным идентичностям, их воспроизводство не случайны. Исследователи процессов формирования современных идентичностей отмечают: «В современных обществах, в которых индивиды должны справляться с большим количеством социальных ролевых ожиданий, это предполагает формирование множественной идентичности. В зависимости от контекста определенные частичные идентичности становятся значимыми или уходят на задний план, что следует понимать не только как пассивную реакцию на окружающую среду или на требования группы, но и как осознанное индивидуальное распределение приоритетов» [*Воронков, Освальд* 1998, с. 13].

Актуализация локальных идентичностей и концентрирование политических интересов на уровне локальных этнических сообществ неизбежны, так как на этом уровне политические интересы и цели ясны и понятны большинству активистов, вовлеченных в деятельность национальных организаций. Эти цели, как правило, весьма актуальны, и их реализация непосредственно влияет на реальное положение всех членов сообщества. Что же касается таких широких идентичностей, как финно-угорский мир, то они ясны очень узкому слою этнической элиты, и именно она получает некие реальные дивиденды от эксплуатации

подобных идей. Отсюда очевидно, что массовой поддержки данные идеи получить не могут, а значит, активность национальных организаций будет все больше сосредоточиваться на локальном уровне.

Общая же динамика политизации этничности, как полагают некоторые отечественные исследователи, характеризуется ее смещением в сторону постнационализма. При этом «фокус национального развития в классическом понимании этого слова смещается к взаимодействиям более крупного или более мелкого масштаба, чем нация, организованная посредством государственных институтов; относительным сокращением сферы действия государственных институтов; относительным сокращением сферы действия государства...» [Боршинец 2001, с. 10—11].

Новый национализм российских финно-угров еще только зарождается, свидетельством чему стали процессы, о которых мы говорили выше. Поэтому пока еще не появилось сколько-нибудь четкого идеологического осмысления новых политических реалий в программных документах национальных движений, что показал и прошедший в начале февраля 2004 г. восьмой съезд коми народа. Но ясно, что новый национализм будет смещаться в сторону гражданского национализма, ибо в конкуренции между этничностью и гражданством перевес оказывается на стороне последнего. То, что гражданский интерес сегодня доминирует, доказывают кризис национальных движений, в том числе и некогда весьма мощных (например, татарского), и политический выбор населения в национальных регионах России. В этом отношении особенно показательны итоги референдума, прошедшего 7 декабря 2003 г. в Коми-Пермяцком автономном округе. В округе, где 60 % населения составляют коми-пермяки, 90 % избирателей фактически высказались за упразднение национальной автономии и за создание единого с Пермской обл. субъекта федерации. Конечно, в таком исходе сказались социальная специфика населения округа и особенности социально-экономической и этнокультурной эволюции региона в предшествующие десятилетия [Полуянов, Шабает, Мальцев 2000]. Вместе с тем данный факт доказал неактуальность идеи национальной государственности в современных условиях и в ее современном состоянии. В то же время опыт этнополитических исследований и анализ политических реалий свидетельствует, что не стоит недооценивать политический ресурс мобилизованной этничности [Тоценко 2003]. Последние выборы в Государственную думу показали, что для значительной части населения финно-угорских регионов России политический выбор сопряжен с национальной принадлежностью кандидатов в не меньшей мере, чем с их гражданской позицией.

В самой же идеологии, согласно Беллу [Bell 1988, p. 402], существуют своеобразные приливы и отливы, которые связаны с фазами, во время которых сглаживаются противоречия между различными политическими силами, что порождает иллюзию конца идеологии. Однако конец национальной идеологии наступит лишь тогда, когда она не будет востребована политическими акторами. К примеру, коми и марийские национальные движения смогли добиться наибольших успехов тогда, когда установили клиентские отношения с региональными властями и когда они были необходимы властям в качестве политического прикрытия собственных политических притязаний. Именно на этом этапе развития были институционализированы важные положения политических

Конструирование нового национализма финно-угров

доктрин национальных движений (в Коми — это принятие закона о языках, утверждение государственной программы развития языка коми с введением его обязательного преподавания во всех школах республики, принятие закона о статусе съезда коми народа, внесение важных положений в конституцию республики; в Марий Эл — это закон о выборах президента, который позволял занимать данный пост только лицу, владеющему марийским языком, закон о государственных языках). Американский политолог эстонского происхождения Р. Таагапера, анализируя ситуацию в регионах проживания финно-угров, писал: «Лидеры республик не смогли бы играть свои игры, если бы они не имели коренного населения как фиговый лист. Само существование республик (вместо областей) зависело от него. Следовательно, лидеры были более мотивированы, чем ранее, укреплять проявления коренной культуры и языка в своих республиках. Им также нужны были голоса коренного населения во время выборов, даже если все основные партии вели русские» [Таагапера 1999, р. 17].

Ослабление или прекращение клиентских отношений влекло за собой и ослабление самих движений. Особенность же нынешней ситуации состоит в том, что национальным идеологам нужны такие идеологемы, которые будут встраивать национальные организации в политико-правовое пространство путинской России. Это означает, что уровень их политических притязаний должен быть понижен. Так произошло с коми национальным движением, когда прокуратура республики признала закон «О статусе съезда коми народа» не соответствующим федеральному законодательству. Закон гласил, что «съезд является высшим представительным собранием коми этноса», а общественное движение не имеет монопольного права представлять чьи-либо интересы. Закон был отменен, а коми движение в 2002 г. созвало внеочередной съезд коми народа, на котором были приняты решение о преобразовании в межрегиональное общественное движение «Коми войтыр» и устав, серьезно ограничивающий политические притязания движения.

Удмуртское национальное движение, давно оттесненное на периферию политической жизни республики, в канун выборов главы Удмуртии в марте 2004 г. сочло за благо попытаться добиваться соглашений о сотрудничестве с теми кандидатами на пост главы республики, которые обязуются поддерживать развитие удмуртской культуры.

Фрагментация этносов, локализация политических интересов национальных движений и резкое снижение уровня их политических притязаний (поначалу национальные съезды пытались представить себя параллельной властью — как законодательной, так и исполнительной, и требовали обязательной реализации своих решений государственными структурами) есть звенья единого политического процесса, итогом которого, на наш взгляд, станут некая новая архитектура национальных движений финно-угров России и новое содержание их идеологии.

Литература

Ассамблея народов России: Материалы учредительной конференции. М.: Славянский диалог, 1999.

- Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры России. СПб.: Изд.-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000.
- Бокин В.Н.* Съезды мордовского народа как институт этнополитического влияния // Тезисы докладов российской научно-практической конференции «Этнический фактор и политика. История и современность». Ижевск. 3—4 марта 2000 г. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000.
- Боршшопец К.П.* Национальное измерение глобального мира // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 1. Век. 1999. 8-14 ноября. № 39.
- Воронков В., Освальд И.* Постсоветские идентичности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Изд.-во «Дмитрий Буланин», 1998.
- Геллер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Зорин В.Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.
- Исхаков Д.М.* Модель Татарстана: «за» и «против» // Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника. Т. 2. Современный национализм татар. М.: ЦИМО, 1998.
- Кирдяшов А.* О национализме в Республике Мордовия // Финно-угорский мир: история и современность: Мат.-лы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2000.
- Клементьев Е.* Этнические проблемы // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001. Бюлл. № 36.
- Клементьев Е.* Правовая защита национальных интересов миф или реальность // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. Бюлл. №40.
- Ковалев В.А., Шабает Ю.П.* Национальные движения финно-угорских народов России: конец идеологии? // Философская и правовая мысль. Вып. 4. Саратов; СПб.: Научная книга, 2002.
- Коренное население. Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М.: Международные отношения, 1990.
- Красное знамя. 2000.4 декабря.
- Лаженцев В.Н.* Экономический федерализм в теории и на практике // Жизнь национальностей. 1996. № 4.
- Лукин Ю.Ф.* Статус Ненецкого автономного округа: анализ и возможные изменения // Вестник Поморского университета. 2003.
- Мартынов В.* Самоопределение — необходим ответственный подход // Международная жизнь. 1993. № 7.
- Народный конгресс: Сб. материалов конгресса Народного фронта 1—2 октября 1988 г. / Сост. О. Оттенсон. Таллин: Периодика, 1989.
- Национальное возрождение мордовского народа: состояние, проблемы и перспективы. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2001.
- Независимая газета. 2002. 4 октября.
- Никитин В.И.* Национальный вопрос и национальная политика России в начале XXI века // Этнопанорама. 2001. № 2.
- Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad marginem, 1996.
- Полуянов Н.А., Шабает Ю.П., Мальцев Г.И.* Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития. М.: ЦИМО, 2000.
- Пробуждение финно-угорского севера. Опыт Марий Эл. М.: ЦИМО, 1996. Т. 1. Республика. 1995. 28 ноября.

Конструирование нового национализма финно-угров

- Силланпяя Л.* Возрождение саамского народа: реакция правительства на самоопределение саамов // Расы и народы. Вып. 28. М.: Наука, 2002.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2003.
- Рыбаков С.Е.* Анатомия этнической деструктивности. Этнический радикализм // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 4.
- Рязанцев А.А., Одинцова А.А.* Федеративные проблемы российской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 1.
- Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М.: Юридическая литература, 1994.
- Соколовский С.* Корни и крона (мистика и метафизика конструирования статуса «коренных малочисленных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3.
- Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993.
- Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1994.
- Тодышев М.* Коренные малочисленные народы Севера и избирательная система в Российской Федерации // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: Сб. мат-лов Международного круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы». 12—13 марта 2003 г., Москва. М.: АКМНСС и ДВ, IWGIA, 2003.
- Тоценко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
- Федеральный бюджет и регионы: Опыт анализа финансовых потоков. М.: МАКС Пресс, 1999.
- Ханникайнен Л.* Действенность законодательства о правах национальных меньшинств и коренных народов на государственном и региональном уровне и его соответствие современным условиям // Финно-угорский вестник. 2000. Инф. бюлл. № 3 (19).
- Ханнум Х.* Пределы государственного суверенитета и мажоритарного правления: меньшинства, коренные народы и их право на автономию // Расы и народы. Вып. 24. М.: Наука, 1997.
- Чешко С.В.* Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.
- Шабает Ю.П.* Идеология национальных движений финно-угорских народов и ее восприятие общественным мнением // Этнографическое обозрение. 1998. № 3.
- Шабает Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998.
- Шабает Ю.П.* Межбюджетные отношения и федерализм // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. Бюлл. № 42.
- Шабает Ю.П.* Дезэтнизация региональной политики и стратегия мультикультурализма (на примере Республики Коми) // Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. Сыктывкар: Министерство по делам национальностей Республики Коми, 2003.
- Шабает Ю.П.* Ижемское «возрождение» // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. Бюлл. № 49.
- Шабает Ю.П.* Кому нужны поморы? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. Бюлл. № 50.
- Шаров В.* В преддверии внеочередного съезда марийского народа // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. Бюлл. № 42.

- Штрихи этнополитического развития Коми республики: Очерки. Материалы. Документы / Сост. Ю.П. Шабаяев. Т. 1. М.: ЦИМО, 1994.
- Щербакова Т. Ассоциация финно-угорских народов и перспективы развития этноориентированных организаций в XXI веке // Рубеж. 2003. № 18.
- Эрзянь мастор. 2004. 30 января.
- Юрченков В.А. Масторова: основные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 1994. № 4.
- Яналов В. Финно-угорский мир: состояние, тенденции // Финно-угорский вестник. 1998. Инф.бюлл.№2(11).
- Яшина Р. О путях и методах восстановления национального менталитета удмуртов // Финно-угорские народы и Россия. Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1994.
- Bell D. The End Ideology: On The Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Harvard University Press, 1988.
- Breaily J. Nationalism and the State. Manchester, 1982.
- Shabaev J.P., Zherebtsov I.L. National Development and Politic in the Finno-Ugric republics of Russia // National identities and ethnic minorities in Eastern Europe / Ed. by Ray T., L.: Macmillan Press LTD, 1998.
- Shabaev I. Peculiarities of Nation-Building in the Republic of Komi // Nation-Building and Common Values in Russia / Ed. By P. Kolsto, H. Blakkisrud. Rowman & Littlefield publishers, INC., 2004.
- Taagapera R. The Finno-Ugric Republics and the Russian State. N.Y.: Routledge, 1999.